

Глава 20. Боль в желудке

После кино Ван Чи повёз Сяо Чэньюя домой на своём трёхколёснике. Приняв душ, Сяо Чэньюй устроился под кондиционером, наслаждаясь прохладой, и вдруг вспомнил разговор, услышанный на сушильной площадке.

Тогда рядом с ним сидела женщина и, болтая с соседкой, она сказала:

— Вот бы мой Сяо Бао учился так же хорошо, как Ван Чи когда-то. Да я и не прошу, чтобы он стал первым в школе... поступит в университет, и я уже буду довольна.

Сяо Чэньюй повернулся к Ван Чи:

— Ты что, в школе так хорошо учился?

Ван Чи замер на секунду, а потом ответил:

— Так себе. Это было давно, не стоит вспоминать.

Сяо Чэньюй с любопытством оглядел его сверху донизу. Ну и ну... так и не скажешь. Никак не вязалось в его голове: человек, целыми днями работающий в поле, загорелый, сильный, с руками в мозолях, — и вдруг бывший отличник. В его представлении лучшие ученики всегда были худощавыми, в очках, с бледными лицами.

И только теперь он понял, как мало на самом деле знает о Ван Чи.

Он знал лишь то, что тот вынослив и силен. Но где Ван Чи учился? Какой закончил университет? По какой специальности? Чем занимался раньше? Есть ли у него семья, и почему о ней ни слова... ничего этого Сяо Чэньюй не знал.

Он спросил — Ван Чи ответил просто: учился в одном из вузов на юге провинции, после выпуска вместе с друзьями открыл своё дело.

— В Ниньшине учился? — глаза Сяо Чэньюя загорелись. — Я ведь жил в Ниньшине! Может, мы уже тогда пересекались!

Ван Чи взглянул на него, чуть помолчал, а потом сказал:

— Даже если и пересекались, ты бы не запомнил. Когда я учился, ты был ещё совсем ребёнком.

— А бизнес-то хоть прибыльный был? — не унимался Сяо Чэньюй. — Или прогорел?

В его голове тут же сложилась картина: прогорел, разорился — вот и вернулся в деревню пахать землю. Логично же!

— Смею предположить, — хмыкнул Ван Чи, притягивая его за руку из-под холодного воздуха кондиционера и щёлкнув по носу, — что немного я всё-таки заработал. Так что на твоё содержание точно хватит.

Слово «содержание» прозвучало так просто, а у Сяо Чэньюя сердце вдруг сбилось с ритма. Но он тут же фыркнул и сказал:

— Кто сказал, что я хочу, чтобы ты меня содержал? Я и сам могу зарабатывать!

И, протянув ладонь, добавил:

— Дай сто юаней.

Переход был таким резким, что Ван Чи лишь приподнял бровь.

— Это ещё зачем?

— Я сегодня помогал с ребяtnей, заслужил оплату! — Сяо Чэньюй стоял на своём.

Ван Чи всё же достал деньги и протянул ему, при этом напомнив:

— В холодильнике полно мороженого. Когда закончится — купим ещё, не торопись.

— Да не на мороженое, — буркнул Сяо Чэньюй, аккуратно положив купюру в кошелёк и бережно похлопав его по бокам. — У меня свои дела.

— Какие ещё дела? — спросил Ван Чи.

— Секрет! — Сяо Чэньюй самодовольно прищурился. — Не скажу!

— И не надо, — усмехнулся Ван Чи.

Он выключил свет, потянул Сяо Чэньюя за лодыжку, его ладонь скользнула вверх по голени — и через мгновение юноша замолчал, будто и дышать забыл.

Возились они до глубокой ночи — оба вспотели, поэтому пришлось снова идти мыться.

Едва они улеглись, Ван Чи заметил, что с Сяо Чэньюем что-то не так: тот сжался в клубок, дыхание стало прерывистым и частым. Ван Чи щёлкнул выключателем — мягкий свет озарил комнату, и он увидел, как юноша, бледный, со сжатым лицом, держится за живот.

Ван Чи в испуге сел:

— Что случилось? Где болит?

— Желудок... желудок болит, — прошептал Сяо Чэньюй.

Ван Чи поспешил вниз, налил горячей воды, помог ему приподняться, поддерживая за плечи, и поднёс кружку.

— Нужно в больницу? — спросил он.

— Нет... не надо. У меня часто так бывает. Подожду немного... отпустит.

Но не успел договорить — новая волна боли скрутила его, губы побелели, по вискам стекал холодный пот.

Ван Чи лёг рядом, обнял его сзади, положил ладонь на живот и тихо сказал:

— Сегодня днём ты съел шесть мороженных, вечером — четыре огромных куса арбуза. Потом, после душа, сидел под кондиционером без одежды. Вот теперь и результат — желудок замёрз.

Он говорил спокойно, но Сяо Чэньюй, скорчившись от боли, всё равно нахмурился:

— Я и так мучаюсь, а ты ещё ругаешь... Совсем меня не жалеешь.

Ван Чи мягко улыбнулся, поглаживая его по плечу:

— Не ругаю. Просто волнуюсь. Если бы можно было — я бы взял твою боль на себя.

Сяо Чэньюй замер. Не ожидал он от него таких слов. Что-то горячее разлилось в груди, и вдруг показалось, будто желудок отпустило.

— Я... мне уже лучше. Почти не болит. Не волнуйся, — пробормотал он, запинаясь.

Через какое-то время боль действительно утихла. Он перевёл дух и тихо признался:

— Раньше, когда болел живот, я даже немного любил это чувство... Только тогда папа оставался дома и был рядом со мной.

Ван Чи поцеловал его в макушку, обнял крепче, прижимая к себе.

Спина Сяо Чэньюя плотно прилегала к груди Ван Чи, ощущение мышц под лопатками было таким явственным, что он, как ни старался сдержаться, не выдержал и осторожно спросил:

— Мне так больно... можно я тебя потрогаю?

Ван Чи был несколько ошарашен, но великодушно разрешил:

— Трогай.

Сяо Чэньюй тут же перевернулся, запустил руку под одежду и принялся водить ладонью по упругой груди и животу мужчины, пальцы скользили по рельефу пресса к грудным мышцам, потом он уткнулся в них лицом и, наконец, удовлетворился.

А что там с болью в желудке? Какая боль? Он уже и забыл про неё.

Больше не придётся тайком трогать Ван Чи, пока тот спит — быть в отношениях и впрямь здорово.

Когда Сяо Чэньюй немного пришёл в себя, он с озорством сказал:

— А вдруг у меня живот болит не из-за мороженого, а потому что мы занимались этим?

Он хотел поддеть, но Ван Чи ответил с тихим смешком:

— Значит, я в твоих глазах такой могущественный, что аж до желудка достаю?

Сяо Чэньюй покраснел и резко оборвал:

— Не говори глупостей!

Ван Чи только рассмеялся, прижимая его ближе:

— Ладно. Если живот больше не болит — спи. Уже поздно.

На следующее утро Ван Чи приготовил для Сяо Чэньюя тыквенную пшённую кашу и отварил яйца. Всё было готово, когда всё ещё спал.

Будить его не хотелось. Ван Чи просто тихо сел на край кровати и стал смотреть, как тот спит — лицо спокойное, дыхание ровное, на губах лёгкая тень сна.

Но не успел он посидеть и нескольких минут, как снаружи послышался крик Шэн Цаня — сбивчивый, тревожный.

Ван Чи, испугавшись, что тот разбудит Сяо Чэньюя, поспешил вниз и вышел во двор.

— Что случилось? — спросил он, заметив запыхавшегося мальчика.

— Лян Юэ... он ранен! — выдохнул тот. — Дядя Ван, скорее пойдёмте!

Ван Чи нахмурился. Пешком идти было долго, и он сразу завёл машину.

Когда они добрались до дома Лян Юэ, оказалось, что всё действительно серьёзно: на его плече зияла рваная рана, и кровь всё ещё сочилась.

— Ерунда, просто царапина, — отмахнулся Лян Юэ, — сейчас само пройдёт.

Но Ван Чи видел, что дело нешуточное: рана глубокая, кожа разорвана, явно требовалась помощь врача. Он не стал спорить — просто усадил Лян Юэ в машину и отвёз в больницу в соседний посёлок.

В приёмном покое врач осмотрел плечо, начал очищать рану и нахмурился: на краях была земля, мелкие камушки.

— Как ты это сделал? — спросил он.

— Упал, — не задумываясь ответил Лян Юэ. — Там, возле стены, стоял инструмент, вот и на него нарвался.

— Какой инструмент? — уточнил врач.

Мальчик запнулся на миг и сказал:

— Лопата.

Рана действительно имела форму, совпадающую с изгибом лопаты, поэтому врач больше не расспрашивал. Только посоветовал быть осторожнее, наложил швы и направил в процедурную, чтобы сделать прививку от столбняка.

Ван Чи был настолько озабочен здоровьем Сяо Чэньюя, что не придавал значения странности: ведь если лопата стоит, прислонённая к стене, её лезвие обычно направлено вниз — не так уж легко о него порезаться. Чтобы пораниться таким образом, кто-то должен был её поднять... или бросить.

К тому времени, как все процедуры закончились, уже перевалило за полдень. Опасаясь, что Лян Юэ проголодался, Ван Чи купил ему еду у больницы, а затем поспешил домой.

По дороге он всё думал о Сяо Чэньюе: как там он, прошла ли боль в желудке, съел ли он приготовленный завтрак. Уходя, мужчина не успел ничего объяснить — наверняка тот рассердился и теперь встретит его словами:

«Куда ты подевался? Почему не взял меня с собой?»

Но, войдя в дом, Ван Чи увидел совсем другое.

Сяо Чэньюй не сказал ни слова. Даже не посмотрел в его сторону.

Он шёл за Цзинь Сю — шаг в шаг, будто тень, и лицо у него было напряжённое, взволнованное.

Когда Цзинь Сю направилась на кухню, он пошёл за ней.

Села... и он тоже сел.

Поднялась... он тут же поднялся.

Даже сама Цзинь Сю удивилась. Остановилась, погладила его по спине и ласково спросила:

— Что с тобой, милый? Сегодня ты какой-то не свой.

Сяо Чэньюй не отрывал от неё взгляда, но лишь покачал головой. Губы дрогнули, и в глазах заблестели слёзы.

У Ван Чи внутри всё оборвалось.

В прошлый раз, когда Сяо Чэньюй съездил домой на день, он потом плакал целый вечер.

А сейчас он никуда не ездил, был дома, и всё же снова что-то не так.

Ван Чи взял его за руку, отвёл наверх — хотел спокойно разобраться. Но не успел ничего сказать, как Сяо Чэньюй сам втолкнул его в кабинет и, срываясь, крикнул:

— Почему ты ничего не сказал мне?!

Ван Чи опешил, не понимая, о чём речь. Сначала попытался его успокоить:

— Эй, не сердись. Ты же только-только оправился, нельзя волноваться.

А всё началось с самого утра...

После завтрака, не зная, чем заняться, Сяо Чэньюй зашёл в кабинет.

Он рассеянно открыл один из ящиков письменного стола — просто от скуки.

Уже собирался закрыть, как вдруг взгляд зацепился за несколько слов, написанных на одном из документов.

Он замер.

И в ту же секунду внутри у него всё похолодело.

В ящике лежала медицинская справка, оформленная на имя Цзинь Сю.

В графе «Результаты обследования» стояли три страшных слова: рак шейки матки.

Сяо Чэньюй застыл.

Слишком знакомое слово — рак.

Когда ему было шесть, именно это слово забрало у него мать.

За обедом он едва мог проговорить хоть что-нибудь.

Каждый раз, поднимая взгляд на Цзинь Сю, он ловил себя на мысли, что боится моргнуть — будто стоит отвернуться, и она исчезнет.

Когда Ван Чи вошёл, Сяо Чэньюй молча указал на бумагу на столе.

Тот подошёл, мельком взглянул на неё и его лицо неожиданно разгладилось.

— Подойди, — сказал он спокойно. — Посмотри ещё раз.

— Я не хочу смотреть, — Сяо Чэньюй не понимал, как он может быть таким спокойным. Как вообще можно улыбаться, когда такое узнаёшь?

Ван Чи взял лист и поднёс к нему поближе.

— Смотри на дату. Это не сейчас. Это три года назад.

— Три года?.. — Сяо Чэньюй схватил отчёт, перечитал строку с датой, потом поднял тревожный взгляд. — А теперь? С ней всё хорошо?

— Всё уже позади, — мягко сказал Ван Чи, усаживаясь на диван и притягивая его ближе. — Болезнь вылечили.

— Вылечили... — повторил он тихо, будто не веря.

— Да. Всё хорошо, — подтвердил Ван Чи.

И тогда Сяо Чэньюй вдруг обнял юношу.

Через мгновение Ван Чи почувствовал, как по коже скользнула тёплая влага.

— Я так испугался... — прошептал Сяо Чэньюй, его голос дрожал. — Мне было очень страшно.

— Всё хорошо, — ответил Ван Чи, глядя его по спине. — Уже всё хорошо.

— Ты и тётя Сю должны быть здоровы. Обязательно, — упрямо добавил Сяо Чэньюй.

— Мы будем, — тихо пообещал Ван Чи и, улыбнувшись, спросил: — Живот не болит?

— Уже нет, — отозвался тот, невольно хихикнув от щекочущего прикосновения.

Они ещё долго сидели обнявшись, пока дыхание не стало спокойным и ровным.

А потом Сяо Чэньюй вдруг спросил:

— У тебя есть близнец?

— Нет, — удивился Ван Чи. — С чего ты взял?

— В том же ящике была фотография. На ней человек, похожий на тебя как две капли воды. — Он виновато глянул на стол. — Я не специально заглянул. Просто ящик был не заперт.

Ван Чи сразу понял, о какой фотографии речь. Видимо, после прошлой ночи он забыл снова запереть ящик. Но, впрочем, теперь между ними уже не было секретов, правда?

Он с лёгкой улыбкой сказал:

— А ты уверен, что это не я и есть?

Сяо Чэньюй нахмурился, пристально вглядываясь в него.

— Похож, да. Но не ты. Кто он, брат?

Ван Чи помолчал.

Потом спросил:

— Ты действительно хочешь знать?

Сяо Чэньюй сразу кивнул:

— Конечно хочу. Всё, что касается тебя, я хочу знать.

<http://bllate.org/book/12345/1101766>